

Н.Л. Вершинина
доктор филологических наук, профессор,
зав. кафедрой литературы
(Псков)

**ОСОБЕННОСТИ ЛИРИЗМА «ВТОРОСТЕПЕННОГО» ПОЭТА
(К ВОПРОСУ О ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
АНТРОПОЛОГИИ А. Н. ЯХОНТОВА)**

В статье рассматривается специфика понятия «лиризм» применительно к художественной антропологии поэта «второго ряда» А.Н. Яхонтова (1820–1890). Уясняется характер соотношения категорий «лиризм» и «лирика» в литературном сознании середины XIX века. Делается вывод об основополагающей роли «лиризма» (как онтологической предрасположенности к творчеству) в формировании литературной позиции и своеобразия приемов письма «второстепенного» поэта. Не достигая реализации в «лирике» как вершинном художественном результате воплощения «лиризма», Яхонтов искал способов его выражения в формах «чужого слова» (перевод, стилизация, подражание, заимствование). Мотивируется заключение о том, что «второстепенный» поэт избирает для себя эстетику «безличного лиризма» и, отказываясь от поэтической индивидуальности, сохраняет «лиризм» во всех жанрово-родовых формациях, в переводах и оригинальном творчестве, в откликах на социальные и нравственные проблемы века, донося «живое» слово до читателей-современников.

Ключевые слова: лирика, лиризм, художественная антропология, А.Н. Яхонтов, «второстепенный» поэт, поэтическая индивидуальность, «чужое слово».

Вопрос о специфике художественной антропологии «второстепенного» поэта с позиций сущности и форм отражения в ней бытийно-творческой интенции *лиризма* – до сих пор остается на периферии научного знания, фрагментарно затрагиваясь в работах по проблемам литературной иерархии [3, 7, 11]. Вместе с тем само обращение исследователей к данному вопросу показательное и требует его дальнейшего осмысления с учетом понятийных категорий. Наша задача: показать специфику лирического сознания «второстепенного»

поэта в соотношении с его творческой практикой через анализ категории лиризма. Творчество псковского поэта Александра Николаевича Яхонтова (1820 – 1890) представляется симптоматичным и в плане отчетливости иерархической характеристики («Я. <Яхонтов> был поэт второстепенный <...>» [16, XXV, 205]), и ясности самооценки («Ведь на Парнасских высотах / Помещик я мелкопоместный» [15, 622]), и типологии восприятия мира «второстепенным» поэтом, отразившейся в комплексе черт его художественной стилистики, реализующей принцип лиризма в ряду других принципов.

Проблема осложняется тем, что, применительно к массовому обиходу, наука не исключает уравнивания в значении дефиниций *лиризма* и *лирики*: «**Лирика.** <...> *перен.* То же, что лиризм» [10]. Помимо архетипической близости (вопрос, остающийся за рамками предпринятого исследования) лирика и лиризм обнаруживают потенции сближения по линии «открытой» эмоциональности, «возвышенной» экспрессивности, «доминанты субъективного» [9, 17]. «Лирика субъективна по отношению ко всему изображаемому <...>» [9, 18], однако и лиризм (применительно, например, к поэзии Фета) сознается как аналогичное, онтологически однотипное явление: «Истинный лиризм (предельная субъективность)» [14]. Лирика и лиризм сближаются на метафизическом уровне, как это представлено в статье Н.А. Берковского «Народно-лирическая трагедия Пушкина (“Русалка”): «Сильная рука героини прикоснулась к ним обоим (мельнику и князю. – Н.В.), их внутренний мир открылся, стал способным к лиризму и лирике» [2, 91]. Наконец, обе рассматриваемые категории отождествляются по линии их автоматизации и унификации в современном воспринимающем сознании. Это явление фиксирует Ю.Н. Чумаков: «Когда мы говорим: лирика, лирический, лиризм, то употребляем их не столько как строгие дефиниции, а как свободные категории, *понятные нам в целом*» [18.°Выделено мной. – Н. В.].

Чтобы конкретизировать значение указанных понятий в художественно-эстетических представлениях поэтов и критиков XIX века, по-видимому, следует вернуть им исходные историческое и онтологическое обоснования, осуществить, по выражению А.В. Михайлова, «обратный перевод».

Прежде всего, нельзя не заметить, что *лиризм* значительно отдался от *лирики* в литературном сознании середины XIX века: так, Н.В. Гоголь в статье «О лиризме наших поэтов. Письмо к В.А.°Ж.му» (1846) пишет о характеризующем «наших поэтов» «строгом лиризме», который

концентрируется в едином высшем чувстве, «близком к библейскому». Ценность этого чувства – в отсутствии личностного субъективного начала, в причастности русских поэтов к общему «торжеству духовной трезвости», которое «слышится» «повсюду» [8]. Сходным образом лиризм понимал Белинский: «Лиризм выражает природу неопределенно и, так сказать, музыкально; его предмет – вся природа во всей ее бесконечности» [1, °103].

Своего рода безличный лиризм характеризует и способ осознания и выражения себя поэтом «второго ряда». Анализ жанровородового эклектизма творчества Яхонтова [4] показывает, что характерные для «второстепенных» авторов многообразие жанровых форм, перетекание стилевых доминант, отсутствие собственного лирического голоса, рождающее упреки в подражательстве являются оборотной стороной присущего их мировосприятию признака: тотального, преобладающего над творческой индивидуальностью и поэтической самобытностью, качества *лиризма*.

Можно предположить, что вместе с Яхонтовым сотрудничавший в «Отечественных записках» А.А. Краевского Некрасов [5] в программной для понимания литературного процесса статье «Русские второстепенные поэты» (1848) взял за основу разграничения «таланта» (как склонности к творчеству многих) и «самобытности» (как исключительной способности к творчеству отдельных лиц), в частности, оппозицию лиризма и лирики, общих начал формирования личности литератора и результата ее «развития», представленного шедеврами поэзии. Вершинным выражением лиризма в лирике поэта-современника Некрасов считает поэзию Ф.И. Гюгчева [12, XI, кн. 2].

Признаками лиризма как онтологического основания постижения мира, применительно к Яхонтову, выступают те же приметы, которые характеризуют лиризм как нейтральную дефиницию: «Чувствительность в переживаниях, настроениях; мягкость и тонкость эмоционального начала» [13]. Сравним с аттестацией Яхонтова в «Русском биографическом словаре»: «Я.°<Яхонтов> был поэт <...> чуткий, наблюдательный, тонко чувствующий, отзывчивый, и ему нельзя отказать в задушевности, мягкости, искренности и выразительности» [16, XXV, 205].

Лиризм Яхонтова, очевидно, не «развился» до степени художественной самобытности, что признавал как непреложный факт своего литературного бытия и сам поэт. Способом его выражения в сфере словесного творчества стал отказ от четких границ поэтической индивидуальности, выражаемой в лирике – взамен же был избран путь насыщения «чужих» («готовых») форм лиризмом собственного «я». Именно так Яхонтов понял свое назначение переводчика. Современники, включая Белинского и Чернышевского, считали

«превосходными» его переводы «Горквато Тассо» и «Ифигении в Тавриде» Гете, трагедии Г. Э. Лессинга «Эмилия Галотти», лирических сочинений Гете, Гейне, Мицкевича, Фредро, И. Ходзько, Шторма, Ж.°Лафонтена, Барбье. Можно предположить, что вся совокупность переводов, выполненных Яхонтовым, служила ему средством построения собственной картины мира, а лирическая целостность, не получив реализации в оригинальных текстах автора, обретала полноту художественного воплощения за счет других.

Показательна настойчивость, с какой Яхонтов возвращался к мысли о «вторичности» – не столько своего дарования, сколько назначения в поэзии: «О труде же («Ифигении в Тавриде». – *Н. В.*) могу сказать то же, что и об окончании первой попытки моей переложить Гёте русскою речью – о моем переводе драмы его «Горквато-Тассо», напечатанном в «Отечественных Записках» 1844 года:

Окончен труд – и жаль расстаться с ним!
Он дух питал чудесной, крепкой пищей:
Богат я был сокровищем чужим,
И – обеднел, и с рублищем своим,
Стучуся в храм поэзии, как нищий» [17, 6]

В непереводах литературных произведениях (за исключением стихотворений «на случай») он, очевидно, признавал диктат «чужой» поэзии, превалирующего эстетического направления, одобряемой им в данный момент общественной тенденции (неопределенность идеологической позиции Яхонтова выразилась в колебаниях между либеральными и демократическими ценностями), то есть, наиболее значимых разнообразных веяний эпохи, тон и «настроение» которых он чутко перенимал. В известной мере Яхонтов чувствовал себя защищенным от ответственности за самостоятельное индивидуальное творчество, сохраняя «право голоса» лишь для «выплескивания» лирической эмоции, предполагающей присутствие «сочувственника»-собеседника, проникнутой духом саморефлексии, требующей выхода. В таких стихах слышится «оправдание» мучительного для автора обстоятельства, состоящего в том, что, не владея самобытным даром, он продолжает идти ненадежной поэтической стезей:

Мне робко шепчет тайный голос:
Зачем, по скользкому пути,
Свой тощий плод, невсхожий колос
На свет, на торжище нести?
Там – свой кумир, своя забота,
Там жизнь мятется и снует

И силой злой водоворота
Охватит, смочет, унесет...
Умы там преданы всецело
Тому, что вес имеет, тело;
Там нет восторженный детей...
Пойми ж: кому какое дело
До песен, грез души твоей?

Есть мощная потребность духа:
Потребность – высказаться; глухо
Порой звучит ее струна,
Но и под гнетом невниманья,
Насмешки едкой, порицанья
Не может замолчать она.
Раздолье песням – на свободе,
Там, где широкий кругозор:
На солнце, при честном народе
Давай им суд и приговор!
Как цвет дающее и колос
Простое, доброе зерно
В земле заглухнуть не должно,
Так слово правды, чувства голос
В груди таить не суждено
(«Мне робко шепчет тайный голос...», 1878) [19, 3–4]

Примечательно, однако, что первый и единственный сборник своих стихотворений, опубликованный в последнее десятилетие жизни, Яхонтов завершил произведением, в котором лиризм вновь не нашел способа воплощения в оригинальном тексте, а претворился в апробированной форме давнего перевода.

Фрагмент драмы Гете «Торквато Тассо» (монолог Тассо из V° действия, 2 явления) включен в сборник как отдельное произведение с авторским заголовком – «Оправдание поэта». При сравнении, однако, обнаруживается, что он не во всем совпадает с яхонтовским переводом 1844 года: монолог Тассо неуловимо видоизменен, напоминая не столько «вольный» перевод литературного подлинника, сколько рожденный на его основе авторский монолог, имеющий автобиографический смысл.

Начало стихотворения «Оправдание поэта» содержит строку, которая отсутствовала в переводе, но была важна Яхонтову по внутреннему, душевному созвучию. В ней проявилась динамика

лирического переживания, вскрывающего несбывшееся (и, очевидно, заглушенное) желание обрести самобытный голос:

Напрасно я старался превозмочь
В себе потребность мыслящего духа –

Излиться в слове мощном и живом:

Она в душе меняет ночь со днем [19, 262. Выделено мной. – Н.°В.].

В заключение заметим, что потребность в создании «животворящих песен», возвышающихся до лирики с соответствующим ей художественно-эстетическим статусом, – безусловно, нашла выражение в отдельных стихах, строфах и текстах в целом, составляющих определенную часть скромного наследия Яхонтова. Но действительно «мощное» и «живое» звучание получил *лиризм* его литературного творчества, преодолевающий границы жанрово-родового порядка, поднимающийся над делением произведений на переводные и оригинальные, обосновывающий право «высказать себя» в поэзии, быть «услышанным» читателем, нести ему свое и «чужое» слово. С точки зрения прямого человеческого контакта «второстепенный» поэт обладает возможностями, которые не во всем и не всегда однозначно воплощаются классиками [6]. Яхонтов доказал это всем характером своей творческой практики, итог которой подвел поэтический сборник 1884 года. Здесь читатель может не встретить образцов поэтического искусства, но найдет притягательную личность автора, неуклонно стремящегося поделиться устремлениями своей души, приоткрыть перед читателем тот «благословенный уголок», где «знание» и «труд» [15, 622] составляют основу «строгого лиризма».

Литература

1. Белинский, В.Г. Литературные мечтания (Элегия в прозе) / В.Г.°Белинский // Белинский В. Г. Собр. соч.: в 9 т. – М.: «Худож. лит.», 1976. – Т. 1. – 736 с.

2. Берковский, Н.Я. «Народно-лирическая трагедия Пушкина (“Русалка”»)» / Н. Я. Берковский // Русская литература. – 1958. – № 1. – С. 83 – 111.

3. Вершинина, Н.Л. Между «полезным» и «неполезным» чтением: М. Воскресенский на пути к «Евгению Онегину» А.С.°Пушкина / Н. Л. Вершинина // Folia Litteraria Rossica: Традиция и инвенция в славянских литературах. – Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2009. – S. 227– 234.

Н.Л. Вершинина

4. Вершинина, Н.Л. «Безупречный рыцарь» нового времени Александр Николаевич Яхонтов: Монография / Н.Л. Вершинина. – Псков: ПсковГУ, 2011. – 204 с.

5. Вершинина, Н.Л. Александр Яхонтов и некрасовское сатирическое направление в поэзии 1840–1850-х годов / Н.Л. Вершинина // *Satyra w literaturach wschodnioslowianskich.* – VI / pod redakcja Wandy Supy. – Bialystok, 2005. – S. 69 – 77.

6. Вершинина, Н.Л. Новое в преподавании литературы: способы акцентуации классических текстов / Н.Л. Вершинина // *Autors. Tekst. Laikmets: starptautiskas zinatniskas konferences zinatnisko rakstu krajums.* – 2. – Резекне, 2014. – S. 60–69.

7. Гинзбург, Л.Я. Пушкин и Бенедиктов / Л.Я. Гинзбург // *Временник Пушкинской комиссии.* – 1935. – М.-Л.: Изд-во АН СССР. – Вып. 2. – С. 148 –182.

8. Гоголь, Н.В. О лиризме наших поэтов (Письмо к В.°А.°Ж.....му) / Н.В. Гоголь // Гоголь Н.В. *Выбранные места из переписки с друзьями.* – М.: Сов. Россия, 1990. – С. 68 – 83.

9. Косицин, А.А. Теория литературы: основные понятия и термины: учебное пособие / А.А. Косицин. – Самара: Издательство СГАУ, 2012. – 80 с.

10. Лирика // *Толковый Словарь Русского Языка.* Режим доступа: <http://www.vedu.ru/expdic/14353/>

11. Лотман, Ю.М. Непредсказуемые механизмы культуры / Ю.°М. Лотман. – Таллин, 2010. – 232 с.

12. Некрасов, Н. А. Русские второстепенные поэты / Н.°А.°Некрасов // Некрасов Н. А. *Полн. собр. соч.: в 15 т.* – Л.: Наука, 1990. – Т. XI. Кн. 2. – С. 32 – 61 –. 432 с.

13. Ожегов, С.И. Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – Режим доступа: <http://xn--8sbauh0beb7ai9bh.xn--p1ai/%D0%BB%D0%B8%D1%80%D0%B8%D0%B7%D0%BC>

14. Основные особенности лирики Фета, Тютчева, Некрасова // *Русская литература 865.* – Режим доступа: <http://litera865.blogspot.ru/2013/12/blog-post.html>

15. Александр Николаевич Яхонтов. 1820 – 1890 // *Русская старина.* – 1891. Т. LXXI. – №9 (сентябрь) – С. 691 –702.

16. Яхонтов Александр Николаевич // *Русский биографический словарь.* – СПб.: Изд. Императорским Русским Историческим Обществом, 1913. – Т. 25. Яблоновский – Фомин. – С. 203 – 206. – 493 с. Подп. «Н.С.».

17. Светоч. – СПб., 1860. – Кн. VI.

18. Чумаков, Ю.Н. В сторону лирического сюжета / Ю.Н.°Чумаков. – Режим доступа: http://royallib.com/read/chumakov_yuriy/v_storonu_liricheskogo_syugeta.html#0

19. Яхонтов, А.Н. Стихотворения Александра Яхонтова / А.°Н.°Яхонтов. – СПб., 1884.

FEATURES OF «MINOR» POET`S LYRICISM (TO THE ISSUE OF A.N. YAKHONTOV`S ARTISTIC ANTHROPOLOGY)

N. L. Vershinina

Abstract

The article deals with the specifics of the concept of «lyricism» in relation to the artistic anthropology of «second-line» poet A.N. Yakhontov (1820–1890). There clarifies the nature of a ratio between categories of «lyricism» and «lyrics» in the literary consciousness of the middle of XIX century. The conclusion about the fundamental role of «lyricism» (as the ontological predisposition to creativity) in the formation of literary position and identity of the writing techniques of «a minor» poet is made. Without reaching the realization in «lyrics» as a pinnacle of an artistic result of «lyricism» incarnation, Yakhontov looked for ways of expressing it in the forms of «foreign words» (translation, stylization, imitation, borrowing). There been motivated a conclusion that the «minor» poet chooses the esthetics of «impersonal lyricism» for himself and, abandoning the poetic personality, maintains «lyricism» in every genre and tribal formations, translations and original works, in response to the social and moral problems of the century, bringing «living» word to contemporary readers.

Key words: lyrics, lyricism, artistic anthropology, A.N. Yakhontov, «minor» poet, poetic identity, «foreign word»